

Софья РЭМ

Сверхпроводник

КНИГА СТИХОВ

Софья РЭМ

Сверхпроводник. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24121580

ISBN 9785448519390

Аннотация

«Сверхпроводник» – третья книга стихов Софьи РЭМ, современного наследника традиций модернизма и авангарда. Это одновременно экспериментальный космодром поэтического зрения, программа «русского инопланетянства» и книга-псалом художника-медиума. Для всех любителей русской поэзии.

Содержание

«Он видит всё. Не всё к тому готово...»	6
«Я инопланетянин, но очень русский...»	11
Пролог к инкунабуле	13
«Парадигма меняется. Каплет время...»	13
«Люди, родившись голыми, так обросли с веками...»	16
«Над холмом проходит полдневный слон...»	17
«Как, осень, нам чуждо чудо, когда водопад течёт...»	19
«Без сравнения с человеком...»	21
«Невозможно найти границы сна и покоя...»	23
«Ночь в лесу – идиомы сплошные, и звёздных оград...»	24
Покров	25
«Жизнь – шелест терновника в мозгу виновника...»	26
Микрополь	27
«Словно червь недостаточно кольчат...»	27
Собрание собак	29
«Густопсовы совы этих мест ...»	32
«Я низко наклонился над колодцем...»	33
«Как трение рождает дыры...»	35
«Словно призраки звука моторов...»	37

По грибы	38
«Стоя в кочке болота, шипя, ты подводишь итог...»	39
«Богомолы, превращающиеся в кентавров...»	41
На смерть Фиделя Кастро	43
Землетрясение	43
«Идёшь ли ты, качаются верблюды...»	45
«И прынул свет. Известно от...»	47
Верное воскресенье	48
«Есть разные значенья слова «страсть...»	48
«Здесь увидел он след предания...»	50
«О, что с того, что человек двурук?..»	52
Глаза	54
«Витают сны в мечтании вершин...»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сверхпроводник Книга стихов

Софья Рэм

Редактор Дмитрий Леонидович Лакербай

© Софья Рэм, 2017

ISBN 978-5-4485-1939-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Он видит всё. Не всё к тому готово...»

Не предисловие – скорее взвинченный пульс второго читателя (о первом умолчим). Ну надо же как-то упорядочить в голове эту вроде бы понятную, но куда-то неудержимо скачущую, мгновенно перелётывающую поэтическую оптику, словно поэт какая-то глазастая стрекоза, ловящая (до-рисуюем лаконичных японцев) над ручьём бытия переменчивые тени и абрисы нашей мимолётности. Нет, всё серьезно, даже слишком – третья книга поэта и художника Софьи РЭМ (вслед за «Сотворением Рима» и «Инверсумом») продолжает упрямое восхождение автора сквозь *проживание-изживание всего* на те кручи, откуда это *всё* как на ладони: «Бывают горные породы // Породистей собак и римлян. // Там, задыхаясь кислородом, // Я чувствовал себя всемирным – // А значит, чувствовал хоть что-то», – попутно «заточив своё всемирье» и жёстко ограничив масштаб лирического «я» («только искра на ладони»). Поэт не важен (в принципе). Что же важно?

...Стрекоза глазасто смеётся – никакого сюра, это витает сам метод, изящен, прост и многоуголен: «Я инопланетянин, но очень русский»; «Парадигма меняется. В наше время // Со скалы упавший – не значит лемминг, // Вверх башкой

идуший – не значит Ньютон, // А прямоходящий – не точно Дарвин. // Посмотри: загадочен мир и путан». Путаница тоже мнимая, вернее – это вид по горизонтали. Чтобы *увидеть*, нужны как воздух иные ракурсы, всё-таки жизнь состоит не из одной плотной унавоженности работ-забот. О нет, почвы тут предостаточно, но шустрая стрекозка – ба-а-альшой спец по сравнительному масштабированию *сделанного / упущенного* во всем диапазоне доступного космоса: «У микробов огромен микропыт, // Но микрополь их равновелик. // Пассажир, зазевавшийся кесарь, // Продолжает зевать свой транзит...». Иногда почти издевается – натурфилософски: «Незамеченный, как вокзал, // Модильяни спрашивал у крота: // Не сама ли себе глаза // Совершенная простота? // Но, не видя его, не рвя // На куски, будто не приемля, // Переваривал крот червя, // Переваривающего землю».

Беглый пульс перемигивается со стрекозкой, пока «тягучая хрупкость блика» не вернёт на землю, где всё, увы, не только не вечно, но и вообще никому никаких гарантий. «Сок земли природен, но жизнь есть сон», и обойдённый вниманием культуры и цивилизации захудалый слонопредок (даман Брюса) мало кому интересен даже в зоопарке... «Мир – притон, даман, и на нём питон».

А как же универсальный безотказный спасатель, непобедимый человек-паук, – *лю*, которая *бовь*? «Одна любовь, гремя, достойна палиндрома» – но в целом не для всех утешительно: «моя любовь разрастётся так сильно, // Что уже не за-

метит объекта»; сплошной «Эпидемий, входящий в подъезд» без внятного выхода («В кино не идёт ни хрена, и мы вновь никуда не идём...») и в целом – «Кто съел всё поле на картине // И кто пожнёт его остатки?»; «Хорошая Беатриче – мёртвая Беатриче». Да ну её к бесу, эту любовь...

Как же тогда быть, если «и гора в своей породе – // Лишь только шахмата в просветах // Меж пальцев рук, и мы в природе – // Ряд чёрно-белых силуэтов, // Как клавиш на клавиатуре...»? Чем спастись? И зачем? («Зачем нам хлеб, когда метафор и так полным полно? // Зачем идёт кудрявый пахарь и сыплется зерно? // Зачем нам разум, если разум в чудовищах так глух...»). Поэт не учёный (хотя конкретно этот поэт весьма учёный), не проповедник (хотя конкретно этот поэт вполне верующий, что обязывает), его ответы логичны, но нелинейны, сам же он миру просто свойствен, *атрибутивен*, посему и деться, спрятаться некуда: «Голова ж подобна нагану, // Пока вдруг невыносимо // Не ощутит, калек, // Одиночество урагана, // Почувствовавшего свою силу // В сравнении с человеком». «Нас всех разглядывает небо из космоса в упор» – вот тебе и стрекозка. Долетались...

Однако атрибутивность поэта миру, изначальная вмешанность в дела бытия дает возможность, «низко наклонившись над колодцем, // В который отклонились облака», «внезапного» увидеть паука в его фантастической для обыденного взгляда связности с мирозданием: «Паук стоял, как наши под Москвою. // Вода стояла, будто у Кремля // В почёт-

ном карауле. Над собою // Я чувствовал движение бытия». «Очень русский» и в самом деле слегка (а может, и не слегка) инопланетен повседневности, как герой поэмы, «удильщик рыбы» для кошек и сторож «водонапорной башни Кус-Кус», как были инопланетны Рубцов и Заболоцкий, Хлебников и Вознесенский... да мало ли кто! Родина однако – упорно глядящая из колодца с застывшим солнцем и облаками «Отечества судьба». И своя тоже, конечно: «Совам должно ухать на уху, // Ковыряя гласные в стиху, // И не нужно жить на берегу – // Я ведь так и так не убегу».

Настоящая инопланетность – это значимость вещей и явлений мироздания как таковых, вне сиюминутных (с т.з. вечности) «правил пользования» ими, та самая значимость, которая открывается нам ближе к смерти... *Открывалась бы* так поздно, если бы не поэты. «Кто в это время спит, как свойственно природе // Рефлекса, и во сне ускорит шаг. // Раз в десять лет в моём селе проходит // Собрание собак. // Четыре сотни лап ступают ровно, // Как существо одно, то вверх, то вниз, // Как будто водопад ползёт огромно // Сквозь смятый двор и сплюснутый карниз».

В голосе настоящего поэта всегда больше звука, чем от земных, пусть даже облагороженных дрязг, – как будто бракосочетаются контрапунктом, проливаются друг в друга земное и небесное, соната и псалом. Это и есть главный источник «инопланетной», и поэтому очень земной и русской связности *всего* («Так дерево на фотографии // Напоми-

нает об эпохе»). «Связанные вещи мира в величине земного шара» оборачиваются чем-то одновременно космическим и до боли знакомым: «А земляника – дед с корзинкой. // Декабрь. Кладбище. Сугробы. // Так замыкаются нелепо // Любые мысли в каждой фазе... // О как легко сулит нам небо // К земле стремящиеся связи! <...> Живёт кольца с велосипедом // Родство – и выхода не ищет... // Есть связь меня с травой, и с дедом, // И с деревом, и с пепелищем».

И тогда открывается главное... Но дальше, читатель, ты уж как-нибудь сам справишься.

Второй читатель

«Я инопланетянин, но очень русский...»

*Я инопланетянин, но очень русский.
Когда идут дожди, мне бывает грустно,
Когда идут танки – немного двойственно.
Мне также свойственна драма поезда:
Нельзя свернуть, но уже кончаешься
Где-то сзади. Мелькают леса,
Сквозь них рентгеновски излучается
Моя свобода на полчаса.
Ещё когда не умели клонировать,
Моя планета разучилась планировать,
Моя планета от слова «нету»,
Как пишут вражеские газеты,
Но я не верю. Как всякий транспорт,
В своём изводе являясь тарелкой,
Я, пребывающий в полутрансе,
Транслирую миру Белку и Стрелку —
Мы всё ещё ими считаем время,
До и после, не опоздать бы к финалу.
Нашим часам просто нужно большие делений,
Потому что этому «нету» всё время мало
Нетто, брутто, вендетты Брута, выходов к морю...
Вся история инопланеты в два этажа —
На огромную ногу туфельку-инфузорию*

Примеряет моя душа.

Пролог к инкунабуле *Трижды Божья коровка*

«Парадигма меняется. Каплет время...»

Парадигма меняется. Каплет время,
Отмирая медленно в подоконник.
Отмеряя верность, шуршит покойник,
Будто космос льётся ему на темя.
Удивлённый кукольник-колокольник
Не поймёт, звонить ему или дёргать,
Проморгавший вечность снаружи морга
Вновь не удивлён. Да и что ж такого?
То, что в целом – лейбл, для кого-то – морда.
Падежи мертвы. Устарело слово.

Устарело падать. Верх гравитаций —
Избавлять движенье от агитаций,
От сует и мусора жизни разной.
Что есть не упасть? Не остаться праздным
В тишине и не сокращаться сердцем,
Удлинять. Мemento не лучше скерцо.
В стратосферу выйдя, парашютист,

Не держись себя – укрепляй свой разум.
Не наврать словами, раз видишь глазом:
Истов вест, но в плюсе, вестимо, ист.

Тишина – учитель начальных классов —
Отойдёт в архив повзрослевшим массам,
Но пока что «лужа», пока что «касса»
Ей ещё не царапает по ушам.
Не годны к слиянью портал и рапорт,
Но любое сиянье обязан схватить
Вопреки погоде забывший капать
Гражданин великого падежа.

Парадигма меняется. В наше время
Со скалы упавший – не значит лемминг,
Вверх башкой идущий – не значит Ньютон,
А прямоходящий – не точно Дарвин.
Посмотри: загадочен мир и путан.
Если столько падать – не хватит армий:
Удобрять полезно, но сеять надоть.
Здесь разбиться – блеск, но опасно падать.
Дирижабль заменит велосипед —
Смысл распредели вопреки прогрессу.
Скорость не имеет значенья, если
Нет конечной точки, предела нет.
Полюса болтаются в беспорядке.
Парадигма сменится. Принцип – вряд ли.
Ты, включая ноль, не равна нулю,
Бесконечность. Прыгнешь, но будет поздно,

И язык качнут не слова, а звёзды,
Возвращая к облаку и огню.

«Люди, родившись голыми, так обросли с веками...»

Люди, родившись голыми, так обросли с веками:
Разными языками строили, как руками,
Зло и добро мешая в прочном своём растворе,
Словно не на расстреле. Так появилось море.
То, что по-русски «мышонок», в Италии – «тополино»,
При переходе обратном являет собой древесину,
Склонную к небу, или ракеты, спорящей с твердью, —
Вечности дуновенье: силы или же смерти.
Разница стала разностью. Люди сделались мрачны.
Море хотелось выпить. Так появились мачты.
Море было идеей. Мачты были победой,
Прочно в небо глаза против всякого «недо».
И узнавал каждый юнга, ещё обучаясь в школе,
Что в людях мозгов не много, но в целом довольно крови
И красоты, и всё это вместе цвета брусники.
Это преувеличили. Так появились книги.
Мальчик, смотрящий в небо. Небо колышет море.
Море полно луною. Это не спутник – кнопка.
Что появится дальше, там, за тобой, страную,
Что появится следом? Жди. Осталось недолго.

«Над холмом проходит полдневный слон...»

Над холмом проходит полдневный слон.
Сок земли природен, но жизнь есть сон.
Даман Брюса, ближайший родич слона,
Слышит в норе, как болит страна:
В глубине ворочает соль, где, прах,
Я один не знал, что кишит в Кихах.
Я родился в недрах своей земли
Рассуждать о Брюсе, зачем он Ли,
Заходить за дверь с табличкой «Не та»
В очень плохо сочетающиеся цвета.
Ты один такой тут даман-дункан,
Нотр-Дам, бредущий в разломах стран,
На дыму оставленный истукан,
Посредине сцены забывший кан-
кан. В туман уйдя, не имей очков,
Всё равно найдёшь на пути слонов.
Даже крот, плевавший в источник вод,
Понимал, что чаще – наоборот,
Но обычай слаще красот, и вот
Забывает осень, зачем умрёт.
Ты умрёшь, даман. Победивший слон
На тебя поставит вопрос ребром —
Евой под крылом, где могильный ком

Под углом ежом вскочит. Что притом?
Мир – притон, даман, и на нём питон.
Что поделать с внутренним со кротом?
Он сокрыт в земле, он сократ холма,
Он один смолчит, что душа сильна.
Не зевай навзрыд, колыхая твердь.
Сон – кредит, который даёт нам смерть.

«Как, осень, нам чуждо чудо, когда водопад течёт...»

Как, осень, нам чуждо чудо, когда водопад течёт
С невечнозелёных в груды, где листья наперечёт,
Где пруд убегает тиной в поток облаков и в запах,
Пугает оскал утиный притекший к воде народ...
Пестреет в раскрытых лапах перчатка земной листвы.
Иной, возжелавший схватить, бежит по земле – увы,
Вода остаётся пресной, и блики листвы небесной
Несутся в пруду, как тени, вкусившие головы.
Прекрасны её ступени, запудренные навзрыд,
И время её мгновений скрывает полдневный стыд,
Как лодка неотвратимо, бликуя, течёт к канаве,
К обрыву, когда, вестимо, молчанье слышней, чем выд...
Ох, как нас роднит с тобою тягучая хрупкость блика,
Когда из клочка обоев впивается земляника
В лицо вековечным «аве», кровавым, как зонт-закат,
Как зонд, над границей яви несущийся наугад...
И вновь говорил в оправе скукоженный диверсант:
Пошли мне за это пламя хотя бы кровавый бант!
И молча молил о праве, и лодка неслась к канаве,
И думал быть чуждым славе,
Но Бог не щадил талант.
Как, осень, твои нападki на брeнный асфальт мудры.
Как чужды твои оградки безмозглой траве весны!

Как сладки твои повадки, как кровь на мохнатой ватке,
Ясны и в сухом остатке содержат в себе миры...
Свет тесен, оправы жарки. Одежда недоодета.
Свята и неопалима, ты, осень – моя ступень.
Лишь только в пустынном парке дрожание силуэта.
Как бликом моим любима печальная эта тень...
Но что это весь рябит он, как рыба во льду разбитом?
Как затвердевает битум, глядишь – ты же смотришь
в пруд!
И голову поднимаешь, но где силуэт? Убит он
К канаве идущей лодкой в молчаньи её минут.
Небесные листья парка... Собака несётся с палкой.
Как, осень, себя нам жалко растрачивать в перегной.
Застыв пред твоей победой,
несвойственный всяким «недо»,
Смотрю через свет. Ответом встаёт силуэт иной.

«Без сравнения с человеком...»

Без сравнения с человеком
Не бывает ни тли, ни Бога.
При встрече с одним Казбеком
Уже их кажется много.
Гора есть гора. Голова же, задрывшаяся оголтело,
Знаменует собой всего лишь приступ аппендицита.
Искать в газетах заметки о смерти своего тела —
Обязанность человека, склонного к суициду
В стране, где ловушки века
Открыты к преображению,
Чтоб отваряжить шрека
Одним неловким движением,
Пока что правосторонним
В неистовом левом марше,
Но, будучи посторонним,
Легко становишься старше
Любых коллизий Гомера и самого Гомера,
И если глаз – не химера,
То что же тогда химера?
Над книгой сидит учёный,
Ловушки его неловки.
Цветок колбасы копчёной
Процвёл в своей упаковке,
А ты не сиди с учёным
Ни видом, ни человеком,

Ведь, чувствуя обречённость,
Легко становишься шреком.
И греком, и ксом, и точка —
Сведённый к пределу космос,
Которого муха срочно
Вылепила из торса,
Когда ты цеплял занозу,
Вышаривая в паркете
Ту, что вопреки прогнозу
Пока что жива на свете.
Голова ж подобна нагану,
Пока вдруг невыносимо
Не ощутит, калека,
Одиночество урагана,
Почувствовавшего свою силу
В сравнении с человеком.

«Невозможно найти границы сна и покоя...»

Невозможно найти границы сна и покоя,
Сна и смерти, сна и его самого.
Как в маразм, впадаешь в немилость.
Но однажды приходит такое,
Чтобы ты всю жизнь спрашивал у него,
Зачем оно повторилось.

«Ночь в лесу – идиомы сплошные, и звёздных оград...»

Ночь в лесу – идиомы сплошные, и звёздных оград
Непреложны границы. Червив и черничен Чернигов.
Гриб, съедобный раз в жизни. Листок лёг на голову
(фигов),
Но любой континент – документ тектонических сдвигов,
И ни шагу назад.
То, что видишь впотьмах, навсегда для зрачка
незабвенно.
Мухоморы такие, что вряд ли нас любят в Польше, но
Скоро ты, последний поэт Вселенной,
Будешь жить на фоне чего-то большего.
Дорогой листопад! Лето съедено, как конфета.
С неба фантики сыплются манной. О, мани-мани!
Ведь любой континент – это временно. Даже это.
Всё проходит и проплывает, меняя грани.
Поменяется форма, присущая мухомору,
Поменяются контуры всех основных историй,
Но однажды поднимешь ветку и сдвинешь гору.
Вот рычаг, достойный римлянина на склоне.

Покров

Процессия струится к повороту.
Зима крадётся, наводя зевоту
На очередь с глазами вертолёта,
Несущегося рухнуть в магазин.
Всё слепит. Жало слепо – слепок жалок,
Сыр гипс. Бетон преследует мешалок,
И страдиварий мятых обветшалок
Грозит закрыться прежде, чем бензин
Сравнит с любовью в очереди скучной
Стоящий лирик возле бабки тучной.
Спеша купить консервы и морковь,
Потом с бензином он сравнит любовь...
Как радуга, текущая в ушатах,
Недужен свет его, не нужен запах,
Баллистика болит. В фонарных лапах
Уснули души их до Рождества.
Лишь гул витает финских-минских-клинских.
Для чистых чисто всё, сказал Аквинский.
Он связан был с водой, с неверьем свинским,
А сам был мудр. И в вечер этот свят
На миг любой, без сдачи давший. Мают
Пакеты-майки. Кассы отцветают,
И чистый снег последних замедляет,
Что в очереди первыми стоят.

«Жизнь – шелест терновника в мозгу виновника...»

Жизнь – шелест терновника в мозгу виновника
На выстрел крыжовника в лицо полковника
Под рокот шиповника в устах церковника
И шепот письмовника в ушах чиновника.
Как плоскость подсолнуха в ногах любовника
Сквозь запах хламовника в носу сановника —
Так трепет ольховника во сне кедровника
Не скрыл бы толковника в руках Садовника.

Микрополь

«Словно червь недостаточно кольчат...»

Словно червь недостаточно кольчат,
В лужах лица, и в каждом – язык.
Многозначно звенит колокольчик.
Многочленно вздыхает ямщик.
Математика, дерево, стержень.
Род неважен. Наука права.
Словно катится в листьях умерших
Отлетевшая вспять голова...
Правый правит. Измеренный топот
В резонанс отправляет ледник.
У микробов огромен микропыт,
Но микрополь их равновелик.
Пассажир, зазевавшийся кесарь,
Продолжает зевать свой транзит,
Словно в клетках высокого леса
Чёрный ферзь незаметно дерзит,
Скачет в стороны все, но не доски
Позволяют мгновенью истечь.
Так ли просто придумать повозку,

Как из дерева корень извлечь?
Как по воску, костляв и ячменен,
Словно поле, одевшись в бурьян,
На вопрос, для чего многочленен,
Он вздыхает: видал, сколько ям?
Сколь оврагов тут, сколько канав-то...
И мигнёт на твои маяки
Математика – страшная правда
Глупой провинциальной руки.
Только девушка, встав у калитки,
Словно в мир открывая микрот,
Смотришь – дедушка в форме улитки
Поливает густой огород.

Собрание собак

Кто в это время спит, как свойственно природе
Рефлекса, и во сне ускорит шаг.

Раз в десять лет в моём селе проходит
Собрание собак.

Четыре сотни лап ступают ровно,
Как существо одно, то вверх, то вниз,
Как будто водопад ползёт огромно
Сквозь смятый двор и сплющенный карниз.

Текут впадать клочки домашней плоти
С куском забора, с цепью трёх пудов
В довесок к ней. Сам вывший на болоте
Не избежит рядов.

Посты бросая просто, как подачку,
Оставив то, за что бы сдох вчера,
Прёт каждый пёс на гору, к водокачке,
Неотвратим, как чёрная дыра.

Но тот, колючей проволокой пыжим,
Не разлучит зевак моих со сном.

Иное дело – верный старый Рыжий,
Что, ковыляя, покидает дом.

Затихнет всё, и в жуткой тине этой
Вдруг ужаснёт второстепенный звук
Плетенья кос, читаемой газеты,
Густой слезы, упавшей на утюг...

Смятенно небо смотрит, как в колодец,

Пустой колодец мира без собак.
Тревожно-тёмен старый полководец —
Трубы фабричной сумрачный маяк.
Как будто всё стемнело до обеда,
Как будто птицы вымерзли в яйце,
Как будто не задумалась победа,
Что часовой поставлен под прицел...

В пустынный час на диком перекрёстке
Как статуя отчаянья зажглась —
Прохожий цвета мертвенной извёстки
Так трясся, что извёстка извелась.
Он замер в высшей точке у сельмага,
Он заорал, но в полной тишине
Прошествовала, обогнув, к оврагу
Ватага, показавшаяся мне.
Шла стая псов, как свойственно природе
Хожденья псов. Покинувшие дом
Или бездомье шли в своей породе,
Не нюхая друг друга под хвостом,
Подобные породе страшной, горной,
Сползающей геологам в глаза,
Как с высоты мешок крупы отборной
Иль на чердак проникшая гроза.

Оно три раза обошло кругами
Село, напоминающее штиль,
И чудилась земля под сапогами,
Фантомно превращаемая в пыль,

Казался выстрел, слышимый в полёте
Сквозь тихий шаг второстепенных лет,
Когда завыл, кто воет на болоте,
Когда никто вдруг не завыл в ответ...
Потом прибились к старой пилораме
И посидели с час, пыхтя в носы.
Как всё проходит, так брели дворами
Отдельные разрозненные псы,
Потом забылись. Время – что трясина.
Один лишь житель, сельский и седой,
Теперь ходил в обход до магазина,
Болото потрясая бородой.

«Густопсовы совы этих мест ...»

Густопсовы совы этих мест —
Им насест, пока не надоест,
Заменяет мир и Эверест.
Зюйд-зюйд-вест – и вовсе не поест:
Сдует насекомых, и тогда
Не пойдёт дождя налить пруда,
Для пожара кончится вода
И уйдут пришельцы навсегда...
Совам должно ухать на уху,
Ковыряя гласные в стиху,
И не нужно жить на берегу —
Я ведь так и так не убегу.

«Я низко наклонился над колодцем...»

Я низко наклонился над колодцем,
В который отклонились облака,
Когда на грани спорыша и солнца
Внезапного увидел паука.
Я трепетал мгновеньем перехода
И мыслил, напрягая мышцы лба:
Готовит повилицу или воду
Ему членистоногая судьба?
Я, лёгким приказав бояться ветра,
Как самого нечестного судьи,
Забыл следить, как тучи, сантиметры,
Миры и поколения текли,
И облако внизу меняло форму,
Похожее на облако вверху,
Как будто исключение на норму
Или песец на шапку на меху...

Паук стоял, как наши под Москвою.
Вода стояла, будто у Кремля
В почётном карауле. Над собою
Я чувствовал движение бытия.
Прошёл солдат дореволюционный,
Гладь зачерпнув пригоршней и испив

Фальшивых облаков пустые нормы
С зеркальной полуденностью ив.
Война? Победа? Вслед ему пестрела
Страна спектральных будущих цветов:
Вода краснела контуром расстрела,
Луг зеленел предчувствием ростков,
Белела тучка... слишком настояще!
И тут я, вздрогнув, понял наконец,
Что не смотрю в колодец. Так навязчив
Был солнца абсолютный леденец-
Протуберанец. И, когда наклонно
Встал вектор позвоночного столба,
В меня упорно, неопределённо
Смотрела лишь Отчества судьба.

«Как трение рождает дыры...»

Как трение рождает дыры,
А крик сопутствует пожару,
Есть связанные вещи мира
В величине земного шара.
Как имя в недрах эпитафии
Над камнем вырывает вздохи,
Так дерево на фотографии
Напоминает об эпохе,
И уж роднят порез с травинкой
Воспоминания-микробы,
А земляника – дед с корзинкой.
Декабрь. Кладбище. Сугробы.

Так замыкаются нелепо
Любые мысли в каждой фазе...
О как легко сулит нам небо
К земле стремящиеся связи!
Ассоциация – растение:
Она остра, но не опасна,
Но пятки – это Вознесение,
А Вознесение прекрасно.
И, пожирая свой терновник,
Он утверждал непопулярно:
Я только малый твой садовник
В ковше медведицы полярной.

И дерево летело в реку,
Эпоху заменив другою —
Про земляничного калеку,
Любующегося ногою...
Суха травина. И, степенный,
Проходит луч сквозь стеклотару,
И крик летит первостепенный,
Приличествующий пожару.
Так замыкается пожаром
Луч вечный с переменным током
Во глубине земного шара,
В соизмерении глубоком.

Как рост травы к звезде полярной,
Всему нельзя не повторяться.
Садовник – номер инвентарный
На дне ковша ассоциаций.
Живёт кольца с велосипедом
Родство – и выхода не ищет...

Есть связь меня с травой, и с дедом,
И с деревом, и с пепелищем.

«Словно призраки звука моторов...»

Словно призраки звука моторов,
Арий армий, что помнит бор мой,
Иллинойство родных просторов
Поражает своею формой.
Каждой кочкой напоминая
Чингисхана потенциальность,
Угробничивая зеркальность
Земляники на фоне нормы,
Понимание подминая
Под ухватки нехватки корма...
Посмотри мне в лицо, стихия!
Где ты вымерла – там я вырос.
Там, где клин вышибает клирос,
Взвизгнет кто о тебе, Россия?
...Сюрреальны поляны в рыжем,
Будто выжженном освещении.
Будто выживший, врежу. Ты же —
Это ты? Я – не я. Крещение
Было? Будет? Не может (не) быть?
Люди в космос – как палец в небо.
Та ли родина учит плавать
Между лавы от левых к правым?
Не долиньство её – далиньство.
Марсианство – не материнство.

По грибы

Я бред в какой-то лес привнёс
Там положил и вынес много
Невинных палок жёсткий тёс
И их отрезанную ногу
Поджарил ножиком грибным
На тусклом солнце раскалённым
Как будто я был тем лесным
Всезнающим и обновлённым

«Стоя в кочке болота, шипя, ты подводишь итог...»

Стоя в кочке болота, шипя, ты подводишь итог
И считаешь деревья, утопленные там, в начале.
К сожалению, надпись на лбу означает лишь то,
Что она означает.

Всюду сбоку колышется лес, истираемый в прах
Каждым приседом мухи на ветку.

Если что и растёт здесь – на торфе, а не на словах,
Умирающих редко.

От *туда* до *сюда* твой мизинец, истыкавший твердь,
Прошагал, но в руке укрепился хотя бы в зачатке.
Тем он глубже тебя, тот, из леса построивший верфь,
Мы – его отпечатки.

Но кислица цветёт, как желток на разбитом яйце
На полу, умащённом прилежно мастикой и бранью,
Как и всякий, кто утром своим не однажды менялся
в лице,

Обнимаясь с геранью за гранью.

И теперь, как в горшке, ты стоишь, перегнив головой
Безо всякой системы, и темы, и ремы, и рамы,
Как седой стадион-транспортёр, по которому бьют
угловой,

Нанося ему узкие раны.

Только вот вдруг случайно ты в землю опустишь глаза

На футбольное поле, и в нём, нарушая разметку,
Вновь проступят знакомые лица и кисти. И лишь
стрекоза,
Разрушая виденье
Собой,
Перемнёт одичалую ветку.
Ты проснёшься и долгой дорогой домой
На вокзал
Будешь думать, что это приснилось тебе привиденье,
А не ракурс такой.

«Богомолы, превращающиеся в кентавров...»

Богомолы, превращающиеся в кентавров
В процессе обеда, и звук, познавший свою утробность.
Кура и ящер, возможно, потомки тиранозавров,
Смотрят друг в друга, прикидывая съедобность.
Там, на поленнице, – мир с томным видом сюрреалиста,
С осьминогами в зоне интимных мест.
Килограмм муравьёв, проползающий слишком близко
От того, кто тоже, может, кого-то съест.
Я меняюсь из шкуры в шкуру, от капли к капле,
Отличающий измененья от неустоек с трудом
И не сразу.
В белой шляпе идущий к сараю, подобный цапле,
Я повесил замки, чтоб, пренебрегая ртом,
Всё оставить глазу.
Но угловатость лица должна быть уравновешена
плавностью щупалец,
И я уже не опущу палец.
Пусть по нему бегают, пытаюсь отгрызть, подлец —
Солнечный заяц.
Я – молитва Тебе. Целиком и уже навсегда
С вечным прямоугольником в зоне открытого мозга
Я пытаюсь прогрызться туда, где случится беда,
То есть всюду. Я – ветвь эволюции в улье промозглом.

Кем ты стал? Подожди, может, станешь ты кем-то ещё.
Окончателность вида лишает людей удивленья.
От мгновения улья к мгновенью кружащихся пчёл
Над тобой – но уж как ни крути – также только мгновенье,
Тоже эксперимент поеданья не дёргая бровью.
Этот сад у поленницы мессе по звукам
подобен воскресной.
Я – лишь ветка Твоя. Без Тебя я подобен надгробью,
А с Тобой я – голодный, молящий о манне небесной.

На смерть Фиделя Кастро

Землетрясение

Когда являлось солнце хмуро
И проступала неспроста
Полунадменная фактура
Сквозь бледное лицо холста,
Всё тоже сквозь, под полуфренчем
Полуползало пол-лица,
По залу в страхе млечно-вечном
Пошёл паркет лицом в отца,
Морскими волнами сутулясь,
Кипя и пятясь на разрыв.
Интересуясь, обманулись,
Но континент остался жив.
Где были мы? Пески и воды.
Переполюня, рёв визжал.
Так потрясение природы
Я всей душой передрожал,
Не подражая. Дорожали,
Взлетая, цены на дома,
Что падали и угрожали,
И континент сошёл с ума.
Как, падая, преображались

Хребты и кости бытия,
И как легко, не отражаясь,
Цвела материя моя...
Ты в резонанс впадал. Качало.
Не замечая, израстал,
Как тряпкой красною начала
Становится лицо холста.
Под красным флагом новым небом
Играл обломок бытия.
Руинным городом нелепым
Был только континент
И я.

«Идёшь ли ты, качаются верблюды...»

Идёшь ли ты, качаются верблюды,
Протуберанцы восстают во тьме.
Кругом салют. Я никогда не буду
Тобою на земле.
Кругом, салют – две разные команды,
Которые усталось выполнять...
Не любят команданте бриллианты —
Взаимно. Наплевать.
И дрожь ли ты от холода пустынного,
Полуразрублен ящериц портрет.
И дождь ли ты – эпичнее картины
В пустыне больше нет.
Экран велик, и нам ещё покажут
На рыжей шкуре уходящий блик.
Экран горит, а мы лишь персонажи,
Но он велик.
В каком дозоре девушка танцует
С винтовкой на поджаренном плече?
В каком кругу Мадонна поцелует
И встретишь Че?
Идёшь ли ты, тебя не догоняют.
Умрёшь ли ты, тебя не превозмочь.
Идут верблюды, френчи охраняют,

И длится ночь.

«И прынул свет. Известно от...»

Сухое дерево не плодоносит

И прынул свет. Известно от
Людей, потерявших свой аппетит,
Что мёртвое дерево не растёт,
А мёртвая бабочка не летит.
Но ветер подул и играл с листом,
И в небо крыло уносил, воспет
Одним из многих. И грянул гром
И канул сумрак. И прынул свет.
И вот летел перламутровый прах,
Звеня хитином своей мечты,
Искал нектара и сел в ветвях,
И из ветвей поднялись цветы...
Старик стоит, а море идёт,
И знает глаз, что телу – зенит:
Мёртвое дерево прорастёт
И мёртвая бабочка полетит.

Верное воскресенье

«Есть разные значения слова «страсть...»

Есть разные значения слова «страсть»
И разные паденья слова «Рим».
Есть целое, чтоб не вмещаться в часть, —
И всё ж Господь вошёл в Иерусалим.
Мир хлопает прохожим, как дверьми,
О пыльные дороги вмятым лбом.
Кричать «Осанна!», чтоб потом – «Распни»?
В такие дни почётней быть ослом.
Пальмира, пальма... Что нам эта сфера,
Ведь колос сжат и будущее – здесь.
Похожа верба более на веру,
Чем на пальбу. Не месть рождает весть.
Четвёртый Рим пройдёт, настанет пятый,
Изменится семантика осла.
Царь снова выше всех – опять распятый
Взойдёт, чтоб даже палка проросла.
Кому здесь жаль одежды ветхой верхней
Для высшего, что скоро сходит в ад,
Похожий на бушующий над верфью

Предвестник ветра – огненный закат?
Подобное подобным. Стало тихо.
Осёл, жуящий пальмовые ветви,
О чём ты замер ныне у ворот?
О том, что скоро уж не будет смерти.
Ещё о том, как бесполезен выход,
Раз навсегда великолепен вход.

«Здесь увидел он след предания...»

Здесь увидел он след предания
И ослеп от его света:
Индивидууму – индивидуумово.
Гефсимания – мания преследования
В лазарет из Назарета,
Неевклидово голову запрокидывая.
Гефсимания непонимания
Простирается ненавязчиво
От Бразилии до Тасмании.
Сквозь терновые напластования
Ищем только животворящего,
А находим – вот – Гефсиманию.
Это крестик терновый, огромный, как самомнение
Тысячи фараонов,
Будто важность света измеряется углом преломления,
Слепит нас с бастионов,
И стреляем мимо. Ведь родственны сад и осада.
В слове корень один – а сколько корней повсюду!
Но уже обступают сад и хозяина сада,
И, закинув уду, темнеет меж них Иуда,
И трепещет ольховым листом нечестивое туловище...
Чьё-то ухо летит, предвещая художника будущего.

За всю историю человечества не было ничего лишнего.
У меня на родине вокруг стояли бы вишни.

«О, что с того, что человек двурук?..»

О, что с того, что человек двурук?
Достаточно иметь хотя б полтела,
Чтоб мыслить мир и не иметь предела,
Пока летит божественный шуруп.
Кому скажу, что человек – придел
Бегущего предательского сада?
Сад улетел, пуста твоя засада.
Вот тот, кто целовал, и тот, кто смел
Отречься трижды. Кто из них виновен?
Пусть Лазарь воскрешён, Пилат – сановен,
Но всяк имеет цель, покуда цел.
О, что с того, что вымыта рука,
Когда другая вбита в облака?
Достаточно... Нет, здесь всего так мало!
Здесь всё со всем играло, но сломало.
Раз в год вода прочна, а твердь легка...
Чуть отвернёшься – и трава растёт.
Но – бойся! – не успеешь отвернуться.
Вот Бог. Он никогда не видел лёд,
Планшеты, конституцию и бутсы,
Когда был человеком. Вот Отец.
Он видит всё. Не всё к тому готово,
И, раз венец окажется терновым,
О, что с того, что человек – венец?
И в нём блестит колючкою игра

Иглы. Вот он, устроенный так просто:

Двуручный меч и обоюдоострый

Язык, или двуручная пила.

Пилот Пилат летит своей дорогой...

Так что с того, что человек – лишь блик

И искаженье лучшей мысли Бога?

Но он в саду. И значит, Он велик.

Глаза

«Витают сны в мечтании вершин...»

Витают сны в мечтании вершин.
В окно сквозит мятежник кислородный.
Стоит мольберт, и на столе кувшин,
А рядом я, надменно-благородный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.